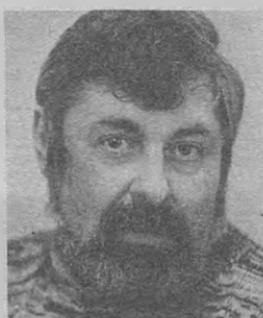

Мед

В ОДНО КАСАНИЕ

ЕЛЕПЕРЕДАЧУ о нем я смотрел в четверг, а в пятницу (причем в то же самое время суток) неожиданно встретился

с ним самим.

Собственно, только эффект сообщаемых впечатлений и подвиг меня на это вовсе необязательное послесловие к талантливой работе Виталия Вульфа.

Допускаю, что люди, давно и достаточно близко знающие Олега Ефремова, в сказанном Вульфом и не услышали для себя ничего совсем уж нового. Но рассказчик нашел на удивление точные и выразительные слова да и произнес их с чисто артистическим риском — потерять расположенные широкой аудитории, ввергая ее в непривычную новизну обращения, ощущения, разрушения, наконец, любимых почтеннейшей публикой условностей.

Если что-то нас сегодня еще объединяет (перед тем, как окончательно разъединить), так это неуважение друг к другу. В подобное неуважение, между прочим, вполне органично входят и способность неутомимо прогибаться перед начальством и богатыми, и столь же неутомимая тяга к любой известности (пусть и безлико визуальной). Ведь даже невольное поклонение весьма редко родственно истинному уважению.

«Какое наслаждение уважать людей», — писал Чехов. Правда, на мой взгляд, дальше, утверждая, что ему совершенно неинтересно, как замечательные люди пьют, любят, играют в карты, любимый писатель противоречит себе, всегда входившему во все жизненные подробности.

Уважение в нашем общении нынешнем оттого-то и уникально, что обращено, если есть оно, к самой сути человека — и если суть эта спроецирована и на кажущееся кому-то слабостью, то нет резона подобные слабости скрывать.

Кто-то из молодых коллег посчитал остроумным, описывая недавние премьерные торжества в театре «Современник», лягнуть доктора искусствоведения. Назвал его «медоточивым Вульфом», упрекая в желании чувствовать себя своим человеком в театрах разной художественной направленности.

После передачи, посвященной Ефремову, считать «медоточивым» Виталия Яковлевича, конечно, смешно.

Но лезть и эпатация одинаково отвратительны (в последнем мы все чаще убеждаемся). И совсем не в резкости сказанного для меня, например, заслуга Вульфа. Подкупает драматургия развернутой мысли. Все, что гово-

рилось с экрана о женщинах, невозможности дружб, изменах, неудачах, жестокости тех или иных шагов Олега Николаевича, говорилось ради масштаба лирики или, может быть, лирики масштаба, определявших характер рассказа как отражения характера героя, в общем-то, во всех своих проявлениях покоряющего автора. Масштаба, разрешившего Вульфу горькое откровение в финале: личности не нужны ни у нас, ни за рубежом. Сегодня мир — мир усредненных людей.

Со студенческих времен почти сорокалетней давности у меня осталось ощущение, что живет Ефремов особой жизнью круглосуточного нервного бодрствования с привычным смещением дня и ночи. И не в том лишь было дело, что приходил он к нам после ночных репетиций рождавшегося «Современника». Он всегда находился во власти занимавших его в тот момент идей — и в круг своих представлений вовлекал нас незамедлительно, отвлекая от уроков в их обыденном понимании. И я жил тогда в полной уверенности, что живу в мире, подвластном беспощадному душевному режиму Ефремова. Это продолжалось в течение двух лет. И все прошедшее с тех пор время Ефремова мне не хватало.

Мы жили десятилетия в совершенно разных измерениях. И я, сегодняшний, давно и очень далекий от театра, ловлю себя на том, что и об успехах Олега Николаевича во МХАТе, и о неудачах знаю больше понаслышке. Это странно звучит, учитывая, что годы, проведенные под его учительством, для меня навсегда самые важные. Тем не менее...

И вот в минувшую пятницу на приеме в одной из престижных загородных резиденций я увидел Ефремова среди множества знаменитостей новейших призывов.

Я не бываю обычно на приемах та-

Эффект совпадений

кого уровня. И всех героев дня привык видеть на телеэкране, а не в двух шагах от себя. И вроде бы каждый из присутствующих должен был бы быть для меня интригующе интересен. И был бы, наверняка, не пруди сюда Ефремов. Я вскоре поймал себя на том, что никого, кроме него, не вижу. И ко мне возвращается полузабытое ожидание чего-то непременно предстоящего.

Он сидел в стороне от общего веселья, но никто из съехавшихся гостей (от самых молодых до Зиновия Гердта) не обошел его стороной. В наилучшем состоянии духа, не в лучшей, очевидно, форме, в одиночестве взваленного им на себя, Ефремов, однако, не выглядел отчужденным. Он впадал мгновениями в мрачность, но магия улыбки его навстречу каждому из обрацавшихся к нему возвращала к счастливым ефремовским временам, заставляя думать об их продолжении. И не требовалось никаких подтверждений, что создан он исключительно для главных ролей.

...Кажется тысячу лет назад бродил я по Ваганьковскому кладбищу. И забавной показалась мне тогда надпись на могильной плите: такой-то — друг артистов. И все. Не профессор, не генерал-полковник. Друг артистов — не мало ли? Теперь думаю: нет, не мало. В самый раз. И не обязательно при отсутствии регалий. И при наличии их — тоже.

Александр НИЛИН.

Экспресс-интервью
1995 - 19 26 2008
97